

ПОЧЕМУ В ЦЕРКВИ ЗАГЛОХЛА ТРАДИЦИЯ ДЬЯКОНИС?

Ответы на вопросы открытых встреч

Вопрос: *Насколько нравственность можно приобрести добром или злом?*

Свящ. Георгий Кочетков: Немного странный вопрос. Обычно такая проблема — «можно ли приобрести нравственность злом» — не встаёт. Правда, зло само по себе может поставить человека в экзистенциальную ситуацию, заставить его задуматься, остановиться — и это будет способствовать нравственному возрастанию человека. Я видел не однажды, как люди, считающие себя более или менее праведными, не совершающими особых грехов, при этом часто бывали нравственно нечуткими, а иногда даже совсем бесчувственными в этой области. Много раз я видел и людей, которые проходили через разные искушения, иногда даже попадались в их силки, но это заставляло их действительно обострять свои нравственные чувства, обогащать свой нравственный опыт. И хотя было бы странно делать какой-то прямой вывод, скажем, «побольше грешите, тогда вы будете более нравственными» — это, конечно, была бы ерунда — но, тем не менее, человек, прошедший через разные искушения, «может искушаемому помочь», и не только тот, кто не поддаётся на эти искушения, но и тот, кто на них поддаётся. Эту проблематику много раз в течение веков затрагивали разные христианские мыслители. Об этом говорят святые отцы, упоминают русские писатели, например, Достоевский. Поэтому всегда остаётся один императив: «люби человека и в грехе его». И чтобы раскрыть эту любовь, нужно пройти через искушения, нужно пройти через трудности, нужно пройти через разные этапы своего нравственного созревания. Хорошо, если человек может это сделать, сам не запачкавшись никаким образом в грязи, но в жизни часто бывает иначе. Повторяю, это не есть оправдание греха и зла, это наблюдение над реальностями нашей жизни.

В том, что добро может человека нравственным образом совершенствовать, конечно, нет сомнения. Но только это добро должно быть не механическим, не просто традиционным, не тем, что легко без особых усилий, даётся человеку, а тем, через что приходится прорываться, буквально окорябав всего себя до крови. Это связано с нашим духовным крестоношением, с несением того служения, которое дарует нам Господь. Однако опыт показывает, что многие христиане этого служения не знают, не чувствуют, и поэтому их добро имеет в себе не много добра, о чем и говорил Николай Васильевич Гоголь в известном месте своего дневника: «Грусть от того, что не видишь добра в добре». Так что нравственность человека — вещь глубокая, экзистенциальная, духовная, связанная ещё и с чувством такта, с чувством вкуса духовного, с чувством меры, с тем опытом взаимоотношений с Богом и ближними, с друзьями и врагами, сотрудниками и теми, кто тебе противостоит в твоём служении, или во всяком случае, не помогает, кто равнодушен к тебе — это всё важные категории жизни человека и его нравственности.

Вопрос: *Что такое совесть?*

О. Георгий: Ну, что такое со-весть? Самым лучшим определением остаётся древнее: это голос Божий внутри человека, это голос сердца человека. Совесть — это то, что в человеке присутствует благодаря его духу, дарованному от Бога, его сообразности Богу, его призванности к Богоуподоблению. Это некое движущее начало, которое помогает человеку не зарпортоваться, не формализовать свои нравственные или канонические требования, или свою исполнительность по отношению к разным формам и формулам церковной жизни и веры или молитвы. Совесть — это то, что соразмерно с Божьей Правдой и Истиной, то, что может подсказывать человеку путь тогда, когда он сам разобратся рационально или по своему отретрафированному опыту не может. Совесть, действительно, живой голос Бога. Но поэтому она легко и подавляется, искажается, извращается, поэтому она легко ведёт человека уже не туда, куда надо. И если человек слишком доверяет своему внутреннему голосу, своим внутренним чувствам, он всегда попадается в ловушку, причём иногда очень серьёзную. А людей, доверяющих только себе, в наше время слишком много. Поэтому очень многие люди не могут вырваться из своих трудных духовных ситуаций, не могут обрести настоящий дискурсивный, глубокий и развивающийся, опыт, который бы, с одной стороны, очищал и углублял голос совести в человеке, а с другой — вёл человека вперёд.

Вопрос: *Если мужчина больше воспринимает мир через разум, а женщина — через интуицию, значит ли это, что женщины более совестливы?*

Джотто ди Бондоне. *Noli Me tangere*. 1320-е гг.

О. Георгий: Это обычное недоразумение. Да, мужчина больше апеллирует к разуму и даже не столько к нему, сколько к рациональному постижению мира, рациональному анализу, а женщина — не столько к интуиции, сколько к чувствам. И в том и в другом случае это не одно и то же. Действительно, женщина обычно очень чувствительна ко многим вещам, к которым нормальный мужчина совершенно глух. Но настоящая, глубокая интуиция как раз более свойственна мужчинам. (Поверхностная интуиция может быть свойственна и женщинам, это да, потому что она больше связана с чувствами). Я думаю, что настоящая интуиция, та интуиция, о которой говорил философский интуитивизм, говорил Анри Бергсон, это, конечно, в первую очередь мужское чувство. Мужчина значительно более интуитивно одарённый человек, но, к сожалению, менее чувственный. То есть современные-то мужчины бывают очень чувствены, они иногда даже превосходят женщин в чувственности, но это уже другой вопрос, это специфика современного унисекса, этой новой субкультуры. Но в нормальном случае мужчина обладает и большим разумом, и большей интуицией. А это два начала, которые, к сожалению, часто попирались в практике христианской церковной жизни. Чувственность всегда поддерживалась, и поэтому женщины чувствуют себя в храмах обычно очень хорошо — слёзы текут рекой, человек погружается в пусть даже непонятную, но очень глубокую по чувствам своим молитву, а вот мужчина понять ничего не может, не может удовлетворить ни свою рациональную жажду познания, ни интуитивную.

Чувственно развитый человек не доверяет интуиции, как и рационально слишком развитый человек не доверяет интуиции, не доверяет тому непосредственному ведению совестью, когда человек ведётся совестью, когда он ведётся Духом Божиим, когда он способен на какие-то неординарные поступки, которые могут шокировать, которые могут казаться нарушением общепринятых норм нравственности. А ведь если это было даже в Ветхом завете, что же говорить про Новый! Не случайно, допустим, подвиг юродства, т.е. снятие рационального и чувственного пласта ради интуитивного, ради безумства Христа ради, которое посещает иногда великие христианские души, этот подвиг в основном — мужской подвиг. Настоящий юродивый, как правило, мужчина. Скромное, небольшое юродство бывает свойственно и женщинам, но, к сожалению, к этому тоже часто примешивается чувственность, а то и всякие магические мотивы, как это было, например, с известной, теперь канонизированной, Матроной Московской.

Вопрос: *Почему в православной церкви нет женщин-священников?*

О. Георгий: Это очень интересный вопрос. Всё ведь зависит от того, что мы понимаем под священством. Христианство приобщает каждого верующего, и мужчину и женщину, к величайшим дарам Святого Духа и к священству Христа — уникальному, единственному священству. Ведь Господь наш единственным, уникальным образом отдал Себя в жертву, послужив «первосвященником будущих благ», как говорит апостол Павел. И поэтому каждый человек становится по вере во Христа священником и царём Бога Живого. В этом состоит так называемое учение о всеобщем священстве Народа Божьего. И в этом смысле каждая женщина вполне может приносить Богу бескровные жертвы, жертву хвалы и жертву благодарения, «возвещающая совершенство Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой Свет», как сказано в Писании. Это надо тем более учитывать, поскольку апостол Павел очень серьёзно однажды ска-

зал, что во Христе нет ни мужского пола, ни женского. Поэтому нужно лишь быть во Христе, и тогда для твоего священства нет преград, независимо от того, какой ты пола.

Но есть другая проблема — проблема возглавления евхаристического собрания Церкви. И здесь уже другие критерии принесения духовных жертв, например, той же жертвы хвалы и благодарения, евхаристической жертвы. Ясно, что из пастырских соображений для Церкви важнее такими предстоятелями иметь братьев. Во всяком случае, в истории Церкви не наблюдались представители-женщины, кроме как в еретических сообществах. Даже тогда, когда были женщины-пророки, даже тогда, когда были женщины-катехизаторы, учителя, даже тогда ничего не известно о том, чтобы женщины возглавляли евхаристическое собрание. Это, действительно, имеет некоторые неудобства, уж не говоря про то, что Ветхий Завет говорит о всякого рода ритуальной нечистоте женщины в разные периоды её взрослой жизни. И хотя в Новом Завете уже можно было бы подвергнуть сомнению эти ветхозаветные представления, потому что ритуальная нечистота отходит на задний план для христианина, однако всё-таки женщина по природе своей больше связана с деторождением, с организацией и охраной очага, семьи, рождением детей, заботой о муже, заботой о том, кто является её главой. И апостол Павел не случайно говорит, что глава жены — муж, а глава мужа — Бог. Этого, мне кажется, имеет смысл не забывать и относиться к этому серьёзно, конечно, не абсолютизируя эти вещи. (Это не значит, что женщине закрыты личные отношения с Богом. Я думаю, что всем понятно, о чём идёт речь).

Таким образом, мы наследуем древнюю апостольскую практику, мы наследуем древний церковный опыт, говорящий о том, что возглавлять евхаристическое церковное собрание должны братья, даже если женщина обладает лидерскими свойствами, хорошим острым умом, энергией, убедительным словом, знанием Писания, способностью научать новых членов Церкви и т.д., т.е. многим из того, что так необходимо любому предстоятелю Церкви — многим, но не всем.

Вопрос: *Почему в церкви заглохла традиция дьяконис?*

О. Георгий: Надо сказать, что традиция дьяконис существовала удивительно долго, всё первое тысячелетие. Она «заглохла» только к началу второго тысячелетия, тогда, когда уже совсем заглох и катехуменат, да и вообще творческие начала в церкви, когда всё стало воспроизводить себя с неким немного механическим оттенком, когда всё было ритуализовано, и любые изменения происходили медленно и в незначительном объёме.

Вообще говоря, в середине XIX века институт дьяконис был восстановлен митрополитом Филаретом Московским, потом поддержан другим святым митрополитом, Нектарием Эгинским, в греческих церквях. Были возрождены чинопоследования рукоположения дьяконис. Всеправославное совещание на острове Родос по подготовке Святого Великого Всеправославного Собора, начавшееся в 60-х годах прошлого века, тоже рекомендовало восстанавливать этот институт. Но этому мешает историческая инерция, сложившийся ныне порядок.

Никаких принципиальных препятствий для восстановления этого института нет. Многие женщины уже сейчас реально исполняют функции дьяконис, будучи катехизаторами, или помогая при крещении, или занимаясь каритативной деятельностью и т.д. Даже чтение Священного Писания, скажем, Апостола, пение в хоре — всё было с конца XIX века и в XX веке предоставлено и женщинам. Так что, в общем-то, непонятно — а чего не хватает сейчас реально служащим нерукоположенным дьяконисам, которых много? Если человек хочет служить Богу, он и без особого рукоположения получает необходимые благодатные дары. Я вспоминаю даже случаи причащения умирающих женщинами, духовными чадами праведников XX века. И это было возможно. Фактически это полностью покрывает собой поле служения древних дьяконис. Так что, может быть, надо пересматривать просто само представление об институциональных служениях. Может быть, просто церковь как-то находит другие способы проявления благодатных даров без отдельного рукоположения? Может быть, Господь ведёт Свою Церковь какими-то нам ещё не ведомыми путями к новому стилю организации церковной жизни? Мы этого не знаем, над этим надо думать, всё это надо проверять. Но я глубоко уверен, что те из женщин, кто хочет служить в качестве дьяконис, могут добиться этого и иметь соответствующий авторитет во всей нашей церкви.

